

КОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ

Наталья Корина (Нитра)

Абстракт:

В данной статье рассматривается когнитивный потенциал словообразовательных моделей как составной части процесса номинации. Обосновывается тезис о том, что отличия в выборе и продуктивности словообразовательных моделей в родственных языках обусловлены национально-специфичными чертами национальной ментальности и языковой картины мира. Исследование проводится на материале русского и словацкого языков.

Ключевые слова: языковая картина мира, ментальность, словообразовательные модели, когнитивные ресурсы, номинация, русский язык, словацкий язык

Cognitive Potential of Derivational Models

Abstract:

The article runs about cognitive potential of derivative models that are the part of nomination process. The thesis that the differences in choice and productivity of derivative models in relative languages is caused by national specific features of mentality and linguistic image of the world, is proved. This study is based on the facts of Russian and Slovak languages.

Key words: linguistic image of the world, mentality, derivative models, cognitive resources, nomination, Russian, Slovak

Одной из главных функций словообразовательных ресурсов каждого естественного языка является их использование в качестве базы для производной номинации явлений окружающей действительности, что делает их одним из основных источников пополнения словарного запаса. На современном этапе развития науки неоспоримым является факт, что процессы номинации имеют когнитивную основу, т. е. непосредственно связаны с процессами мышления и речепорождения. Несмотря на это, вопрос о когнитивном потенциале словообразования до сих пор крайне мало затрагивался в лингвистике, хотя он несомненно важен – прежде всего в связи с тем, что выбор определённых словообразовательных моделей для производной номинации, а также их продуктивность самым непосредствен-

ным образом связаны с языковой картиной мира говорящего на данном языке народа. Обращаясь к данному вопросу, немного затронем его предысторию.

В процессе познавательной деятельности человек реализует потребность не только в номинации, но и в категоризации действительности. Результаты данной когнитивной деятельности выражаются средствами языка как основного инструмента коммуникации. Мысль о том, что именно через язык можно проникнуть в тайны человеческого мышления и психики, была высказана еще Вильгельмом фон Гумбольдтом, который в 1804 г. писал Ф. Вольфу: «Мне удалось открыть – и эта мысль всё более мною овладевает, – что через язык можно проникнуть в высочайшие и глубочайшие сферы и во всё многообразие мира» [Humboldt 1990: 45]. Эту особенность человеческого мышления В. фон Гумбольдт назвал «sprachliche Weltansicht». В современной лингвистике данное явление принято называть *языковой картиной мира* (ЯКМ). Идею Гумбольдта продолжили труды этнолингвистической школы Э. Сепира и Б. Уорфа, в которой одним из основных положений является утверждение о том, что человек воспринимает природу так, как позволяет ему структура его языка [Whorf 1956: 295].

С тех пор когнитивное направление в лингвистике обогатилось многими работами и идеями, и в настоящее время не подвергается сомнению факт, что человек мыслит образами, которые вербализуются посредством языка. Лингвисты-когнитологи широко пользуются достижениями психологии, данные которой убедительно доказали, что по организации языка можно судить о внутренней структуре и расчленённости образов [Малышев 2009: 26], из чего следует утверждение: «Очевидно: то, что трудно даётся человеку в системе образов, то трудно воплотимо и в языке, так как язык – это инструмент установления смысловых связей между словами, скрывающимися под собой образы явлений» [там же].

Образное мышление является базой для создания языковой картины мира, имеющей как глобальные свойства, общие для всего человечества в силу типовых свойств человеческого мышления, так и национальную специфику, обусловленную особенностями национального мировосприятия, традиционной культурой, религией и т. д. Б. Уорф считал, что каждый язык по-своему ориентирует внимание на тех или иных сторонах действительности, навязывая всем думающим на этом языке свой способ членения мира [Уорф 1957; Уорф 1960]. Структуризация мира с помощью языковых средств находится в естественной связи со структурой самого языка и наблюдается на всех языковых уровнях, включая словообразование.

Российский дериватолог И. С. Улуханов неоднократно отмечал, что «проблема ‘словообразование и картина мира’ не только не разработана в языкознании, но и не поставлены основные задачи, которые могут быть

решены в рамках этой проблемы» [Улуханов 2009: 74]. По мнению учёного, важнейшей из этих задач является описание системы словообразования с когнитивной точки зрения, не повторяющее описание с функциональной точки зрения или описание от значения [там же]. Подтверждение этому мы находим в трудах Е. С. Кубряковой, которая указывала на возможность описания словообразования с когнитивной точки зрения на базе того факта, что производное слово как объект вторичной номинации «выступает в первую очередь как языковой способ представления СТРУКТУРЫ ЗНАНИЯ и/или ЕГО ОЦЕНКИ» [Кубрякова 2008: 26]. Данная специфика словообразования и является показателем его когнитивных ресурсов, поскольку словообразовательную выраженность приобретают только те элементы внеязыковой действительности, которые являются актуальными для носителей языка. Единственным на данный момент монографическим исследованием указанной проблематики в российской лингвистике является работа Т. И. Вендиной «Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования», в которой также подчёркивается наличие в словообразовании значительных когнитивных ресурсов: «Словообразование позволяет понять, какие элементы внеязыковой действительности и как словообразовательно маркируются, почему они удерживаются сознанием, ибо уже сам выбор того или иного явления действительности в качестве объекта словообразовательной детерминации свидетельствует о его значимости для носителей языка» [Вендина 1998: 9].

Особенно наглядно указанные явления проявляются при сопоставлении словообразовательных особенностей родственных языков с общими генетическими корнями и во многом типологически подобной структурой. В процессе наших исследований, проводившихся на базе пары русский – словацкий языки, были выявлены многие национально-специфичные особенности, обусловленные когнитивными отличиями в структуре национальных ЯКМ русского и словацкого языков, одной из которых является тяготение русской ментальности к абстрактности, а словацкой – к конкретности [Алефиренко, Корина 2011; Корина 2011; Киселёва 2009 и др.]. Результатом данных отличий стало, в частности, то, что в указанных языках приоритетное значение приобрели способы номинации различного характера: для русской номинации более характерна атрибутивность, ориентация на внешние (открытые, видимые) признаки и свойства предмета в противовес предметности (или процессуальности) словацкой номинации, ориентированной на назначение предмета и сферу его применения, следующие из его внутренних (закрытых, невидимых) свойств. Эта особенность проявляется не только на лексико-семантическом, но и на словообразовательном уровне и имеет непосредственное отношение к характеристике национальных ЯКМ, поскольку соединённые в лексико-семантические ряды слова

«открывают перед нами то, что можно назвать «картинкой жизни»: они именуют её определённый узкий участок, о нём информируют и его живописуют» [Рус. сем. сл.: I, X]. Как справедливо отмечает И. С. Улуханов, это не пассивная информация о существующем, она так или иначе интерпретирована, а потому не вполне одинакова для разных языков [Улуханов 2009: 68], из чего следует, что к числу значений, подлежащих описанию и анализу с точки зрения ЯКМ, относятся и словообразовательные значения. Интересный материал дает также расширение сопоставления на польский язык (ср., в частн., [Olchowa 2008]), что, однако, не входит в сферу внимания данной статьи.

Обширный языковой материал, проанализированный нами за несколько лет исследовательской работы, показывает, что продуктивность словообразовательных моделей находится в тесной взаимосвязи с национально-специфичными когнитивными доминантами русского и словацкого языков. Это проявляется в следующих особенностях номинации.

1. *Значительно более высокая степень продуктивности функциональных формантов -dlo и -isko в словацких словообразовательных моделях по сравнению с аналогичными русскими суффиксами.* В словацком языке чрезвычайно продуктивна деривация с функциональными суффиксами *-dlo* и *-isko* с общим значением инструмента (средства выполнения действия) или места выполнения действия соответственно: *lietadlo* ‘самолет’ (то, что летает), *divadlo* ‘театр’ (то, на что дивятся/смотрят), *čerpadlo* ‘насос’ (то, чем начёрпывают), *tlačidlo* ‘кнопка’ (то, что нажимают), *vozidlo* ‘машина, сухопутное транспортное средство’ (то, на чём ездят), *plavidlo* ‘судно, водное транспортное средство’ (то, на чём плавают), *tienidlo* ‘абажур’ (то, что затеняет), *škrtidlo* ‘(медицинский) жгут’ (то, чем передавливают), *klzisko* ‘каток’ (то, на чём катаются), *schodisko* ‘лестница’ (то, по чему ходят), *bojisko* ‘поле боя’ (то, на чём сражаются), *pracovisko* ‘место работы’ (то, на чём работают) и т. п. (см. Таблица 1). Их генетически родственные аналоги в русском языке – суффиксы *-ло* и *-ище* – являются гораздо менее продуктивными (*ушло, мыло, жало, зеркало, хранилище, настбище* и т. п.) и свойственны скорее архаичной и книжной лексике (*онахало, орало, детище, побоище, вместилище* и др.), хотя используются также в разговорно-просторечной лексике (*рыло, хлебало, позорище* и др.) – иными словами, чаще встречаются в лексике стилистически окрашенной в отличие от абсолютно нейтрального употребления родственных формантов словацкого языка. Данную тенденцию иллюстрирует Таблица 1, в которую мы поместили 70 общеупотребительных словацких наименований с продуктивным функциональным суффиксом *-dlo* (по данным Словацкого национального корпуса) и их русские эквиваленты.

Таб. 1. Русские эквиваленты словацких функциональных наименований со словообразовательным формантом -dlo и их мотивированность.

№ п/п	Слвц.	Рус.	Мотивация словацкого слова	Наличие мотивации у русского эквивалента	Структура русского эквивалента (словообразовательная модель)
1.	mydlo	мыло	то, чем моют	+	-ло
2.	šidlo	шило	то, чем шьют	+	-ло
3.	žihadlo	жало	то, чем жалят	+	-ло
4.	zrkadlo* ¹	зеркало*	–	–	-ло
5.	kadidlo*	кадило*	то, чем кадят	–	-ло
6.	pravidlo*	правило*	то, чем направляют	–	-ло
7.	kridlo*	крыло*	–	–	-ло
8.	strašidlo	пугало, страшилище, чудовище	то, чем пугают	+	-иш/-ло
9.	sedadlo	сиденье	то, на чём сидят	+	-ень(ј)
10.	ležadlo	лежанка	то, на чём лежат	+	-анк-
11.	vešadlo	вешалка (петля на одежде для её вешания на крючок)	то, за что вешают	+	-алк-
12.	švihadlo	скакалка	то, чем быстро крутят	+	-алк-

¹ Звёздочкой отмечены слова, полностью или частично утратившие в современном языке свою первичную мотивацию, которую можно восстановить по этимологическому словарю (связь между *крыло* и *крыть*, *маятник* и *маяться* и т. п.).

13.	nosidlo, обычн. мн. – nosidlá	носилки	то, на чём носят	+	-илк-
14.	tykadlo	усик, обычно мн. усики (орган осязания насекомых)	то, чем тычут	+	-ик
15.	čerpadlo	насос	то, чем черпают	+	на-
16.	chápadlo	1. хватательный орган низших животных (клешня рака, щупальце осьминога); 2. захват (приспособление, напр., у башенного крана)	то, чем хватают	+	за- (2)
17.	preháňadlo	слабительное	то, чем «прогоняют» (вызывают понос)	+	субстантивация
18.	držadlo	держатель	то, за что держат	+	-тель
19.	rozpúšťadlo	растворитель	то, чем растворяют	+	-тель
20.	riedidlo	разбавитель	то, чем разбавляют	+	-тель
21.	ohrievadlo	обогреватель	то, чем обогревают	+	-тель
22.	sluchadlo	наушник	то, через что слушают	+	на-...-ник
23.	vodidlo	поводок	то, на чём водят	+	по-...-ок
24.	porekadlo	поговорка	то, что говорят	+	по-...-к
25.	operadlo	спинка (стула)	то, на что опираются	-	метафорический перенос

26.	madlo*	ручка (для придерживания, напр., на стене туалета в поезде)	—	—	метафорический перенос
27.	vnadidlo	приманка	то, чем заманивают	+	при-...-к
28.	mieridlo	прицел	то, чем целятся	+	при-
29.	počítadlo	счётчик	то, что считает	+	-чик
30.	špáradlo	зубочистка	то, чем ковыряются	+	образовано сложением
31.	lietadlo	самолёт	то, на чём летают	+	образовано сложением
32.	plavidlo	плавсредство	то, на чём плавают	+	образовано сложением
33.	vozidlo	транспортное средство	то, на чём ездят	—	терминологическое сочетание
34.	platidlo	средство платежа	то, чем платят	+	терминологическое сочетание
35.	leštidlo	средство для полировки	то, чем наводят блеск	—	терминологическое сочетание
36.	mučidlo	орудие пыток	то, чем мучают	+	терминологическое сочетание
37.	odpočívadlo	место для отдыха (в разн. знач.)	то, где отдыхают	+	терминологическое сочетание
38.	sladidlo	заменитель сахара	то, чем солодят	+	терминологическое сочетание
39.	vznášadlo	транспорт на воздушной подушке	то, что возносит (отрывает от земли)	—	терминологическое сочетание
40.	klopadlo	дверное кольцо	то, чем стучат	—	терминологическое

					сочетание
41.	zvodidlo, чаще мн. – zvodidlá	дорожное ограждение	то, что уводит (возвращает) обратно	–	терминологическое сочетание
42.	rodidlo, обычно мн. – rodidlá	родовые пути	то, через что рожают	+	терминологическое сочетание
43.	kecadlo/ táradlo <i>разг., экспр.</i>	болтун	тот, кто болтает	+	-ун
44.	škrekadlo <i>прост., экспр.</i>	скрипун	тот, у кого скрипит голос	+	-ун
45.	škrtidlo	жгут*	то, чем передавливают	–	-Ø
46.	napájadlo	источник* (в разн. знач.)	то, что питает (поит)	–	(-ник)
47.	kyvadlo	маятник*	то, что качается	–	(-ник)
48.	chodidlo	стопа*	то, чем ходят	–	-Ø
49.	lákadlo	соблазн*	то, чем привлекают	–	(со-)
50.	zubadlo	удила* (лошади) <i>pl.</i> <i>t.</i>	то, что (крепится) у зубов	–	(-ил)
51.	pradlo	бельё*	то, что стирают	–	-j
52.	pátradlo (zubné)	зонд (стоматологический)	то, чем ищут	–	–
53.	kormidlo*	руль (корабельный; <i>уст.</i> кормило)	–	–	–
54.	meradlo	масштаб (<i>уст.</i>)	то, чем меряют	–	–

		мерило)			
55.	tužidlo	мусс (для волос)	то, чем укрепляют	–	-к
56.	ťažidlo	1. балласт; 2. пресс-папье	то, чем нагружают	–	–
57.	tlačidlo	кнопка	то, что нажимают	–	-к
58.	baranidlo	таран	то, чем пробивают	–	–
59.	vzdúvadlo	шлюз	то, что возносит	–	–
60.	tienidlo	абажур	то, чем затеняют	–	–
61.	divadlo	театр	то, на что смотрят (дивятся)	–	–
62.	líčidlo	грим	то, что наносят на щёки (лицо)	–	–
63.	činidlo	реагент <i>хим.</i>	то, что вызывает действие	–	–
64.	lepidlo	клей	то, чем склеивают (слепают)	–	–
65.	rydlo	штихель (инструмент для гравировки)	то, чем делают борозды	–	–
66.	cedidlo	дуршлаг	то, через что процеживают	–	–
67.	krúžidlo	циркуль	то, что делает круги (кружит)	–	–
68.	chránidlo	точный эквивалент отсутствует; в слвц. используется как гипероним для наимено- вания различного рода защитных щитков или	то, что защищает	–	–

		вставок, вшиваемых в одежду или укрепляемых прямо на теле человека для защиты суставов от повреждений (ср. рус. наколенник, налокотник и т. п.)			
69.	stúpadlo	точный эквивалент отсутствует; в слвц. используется как гипероним для общего наименования вертикально расположенных лестниц, подножек и проч. приспособлений для подъёма по отвесным поверхностям (напр., на локомотив, трубу, стену и т. п.)	то, по чему поднимаются вверх	—	—
70.	kľačadlo/ kľakadlo	точный эквивалент отсутствует; 1) в католическом храме – специальная лавка с обитой мягкой тканью перекладной, на которую следует вставить на колени во время определённых молитв; 2) специальный стул с подставкой для упора колен (для разных видов упражнений)	то, на что становятся на колени	—	—

Таблица наглядно показывает, насколько прозрачной является функциональная мотивированность словацких лексем, и демонстрирует продуктивность модели на *-dlo*, широко употребляемой в различных пластах лексики (обиходная лексика, терминология), а также в словах с разной степенью стилистической маркированности (нейтральная и экспрессивная лексика вплоть до грубо-просторечной). Можно также наблюдать, что функционально мотивированные наименования русского языка располагают гораздо большим набором суффиксов, причём продуктивность отдельных суффиксов является более низкой по отношению ко всему словообразовательному инструментарию языка (см., напр., данные национальных корпусов русского и словацкого языков¹). Значительная расчленённость функциональных наименований в русском языке усложняется также наличием большого числа немотивированных заимствований (*абажур, циркуль, театр, экскаватор, грейдер, бойлер* и т. д.), не имеющих непосредственной связи с продуктивными словообразовательными моделями, в то время как в словацком языке количество подобных заимствований оказалось гораздо меньшим в силу выразительных пуристических тенденций, кульминаровавших в 1960–70-е гг. (см., в частн.: Budovičová 1965; Kačala 2010). Только после их ослабления словацкий язык открыл дорогу потоку заимствований (ср. «старую» и «новую» компьютерную терминологию).

Проследив наличие или отсутствие мотивации у словацких слов и их русских эквивалентов, мы обнаружим, что в словацком языке мотивация отсутствует или «затуманена» (осознаётся небольшим числом носителей языка) только у 6 из 70 слов (*zrkadlo, kadidlo, pravidlo, kridlo, madlo, kormidlo*), причём они относятся преимущественно к древнему пласту общеславянской лексики, из чего можно заключить, что в данном случае мы имеем дело с изначально мотивированной лексикой, утратившей со временем первичную мотивацию (что подтверждается материалами этимологических словарей). Остальные 64 из 70 словацких лексем имеют прозрачную функциональную мотивацию. Иная ситуация с русскими эквивалентами, где эксплицитная мотивация отсутствует в 38 случаях из 70 (свыше 50%), из которых 16 являются иноязычными заимствованиями (№№ 52–67 по таблице)², в 10 случаях первичная мотивация утрачена (*зеркало, кадило, правило, крыло, жгут, источник, маятник, стопа, соблазн, бельё*), 2 возникли в результате метафорического переноса (*ручка, спинка*), а 10 случаев

¹ Национальный корпус русского языка – www.ruscorpora.ru, Словацкий национальный корпус – www.juls.savba.sk/korpus.

² Любопытно, что первые две лексемы имеют исконно русские (общеславянские) параллели *кормило* и *мерило*, которые в настоящий момент выступают как архаизмы и употребляются в основном в составе устойчивых сочетаний (напр., *стоять у кормила* ‘руководить, управлять’; *мерило всего сущего* ‘мера всех вещей’).

представляют собой двусловные (многословные) термины (№№ 33 – 42 по таблице), в трёх из которых (*транспортное средство*, *транспорт на воздушной подушке* и *средство для полировки*) несущий семантический компонент является немотивированным заимствованием, что лишает мотивации всё терминологическое сочетание. В 3 случаях точный русский эквивалент отсутствует, но причины его отсутствия разные: №70 – отсутствие в русском быту реалии, являющейся мотивантом словацкого наименования, №№ 68 и 69 – разная структура гиперонимических отношений в русской и словацкой лексике (отсутствие гиперонима).

Следует отметить и то, что в словацком языке как в «молодом» литературном языке (о типичных свойствах «молодых» и «старых» литературных языков см., напр., [Цыхун 1993; Киселёва 2002] и др.) были сильны пуристические тенденции. Их результатом стало преобладание исконной лексики и приоритет производной номинации определённого типа не только в общеупотребительной лексике, но и в терминологии, в отличие от русского языка, который не противился проникновению иноязычной лексики. В заимствованиях мотивация лексем неочевидна для носителя языка (непрозрачна), а их словообразовательные модели, как правило, не входят в арсенал языка-реципиента: лексемы *абажур*, *театр*, *душлаг*, *итихель* носитель русского языка воспринимает как немотивированные, в то время как их словацкие эквиваленты *tienidlo*, *divadlo*, *cedidlo*, *rydlo* для носителя словацкого языка имеют совершенно прозрачную мотивацию (см. примеры выше).

2. *Мотивация на основе внешних (РЯ) и внутренних (СЯ) свойств объекта.* В русском языке преобладают атрибутивные суффиксы *-ник*, *-овик/-евик* с общим значением 'относящийся к чему-л., предназначенный для чего-л.', которые характеризуют предметы по их внешним признакам: *чайник*, *бумажник*, *светильник*, *грузовик*, *половик*, *пуховик*, *дробовик*, (*плащ*-)*дождевик*; по этим же моделям активно образуются универбализованные понятия, которые обозначают принадлежность и используются преимущественно в разговорной лексике, напр., *гаишник*, *киношник*, *силови́к*, *биржевик*. Показательным примером данных отличий могут служить, в частности, названия грибов, которые в русском языке носят преимущественно атрибутивный характер, соотнося наименование гриба с типичной средой его обитания (деревом, рядом с которым он чаще всего растёт, типом леса или почвы): *подосиновик*, *подберезовик*, *поддубовик*, *моховик*, *боровик*, *дождевик*, *навозник* и т. д., в то время как в словацком языке мотивация наименований грибов связывает их не со средой обитания, а скорее с их собственными свойствами (цветом, формой и т. д.): *ušiak*, *kuriatko*, *pŕvabnica*, *rydzik*, *šŕavnačka* и т. д. Из наиболее популярных

съедобных грибов соотнесены с местом произрастания только *dubák* ‘белый гриб, боровик’ (растёт около дубов) и *podpňovka* ‘опёнок’ (растёт у подножия пней).

Различия в привлечении словообразовательных средств для производной номинации различных предметов и явлений в русском и словацком языках обусловлены не в последнюю очередь тем, что они, как правило, используются для обозначения «только тех реалий, которые *могут оцениваться*, когда необходимо актуализировать признаки, имеющие практическое значение для человека в его освоении мира, причём не только такие, которые имеют хозяйственно важные значения, но и такие, которые помогают ему ориентироваться в сложном и многоликом мире природы» [Вендина 1998: 203]. Вышеприведённые примеры указывают на то, что для русской ментальности важнее соотнесённость предмета с определёнными реалиями (внешними свойствами), присвоение предметам и явлениям определённых атрибутов на основании их внешних признаков, в то время как для словацкой ментальности важнее внутренние свойства предмета. Обобщённо говоря, русская ментальность тяготеет к коллективности (соборность), а словацкая – к индивидуальности, причём коллективность тесно переплетена с открытостью, пространственной индетерминированностью, а индивидуальность – с закрытостью, пространственной детерминированностью. Поэтому русский язык оценивает предметы преимущественно по свойствам, а словацкий – по функции, хотя в каждом из языков присутствуют оба типа оценки. Несмотря на то, что избранные нами для иллюстрации фрагменты не дают полной картины внутриязыковых взаимодействий, даже из представленных здесь примеров очевидно, что словацкий язык более склонен к функциональной мотивированности, в то время как русский – к атрибутивной, что отражает национально-специфичные когнитивные доминанты обоих языков – русскую абстрактность и словацкую конкретность.

Словацкое языковое сознание в силу закрытости и пространственной детерминированности словацкой ЯКМ ориентировано на внутренние свойства предметов – иначе говоря, на собственные внутренние ресурсы. С этим может быть связана и такая любопытная особенность словацкого словообразования, как возможность образования деминутивных форм практически от любых частей речи, причём весьма активно и от глаголов: *sadať* – *sadkať*, *lahnúť* – *lažkať*, *bežať* – *bežkať*, *papať* – *papkať*, *spať* – *spinkať* и т. п. и даже специфическая форма *mojkať* ‘утешать, проявлять сочувствие’, образованная от притяжательного местоимения *môj/moja*, которое, произнесённое с восклицательной интонацией, используется для выражения сочувствия. Это естественно для народа, мыслящего в интенциях пространственной детерминированности. В русском языке деминутив для обозначения

действия используется лишь маргинально и формально не является глаголом (напр., *пойдём баиньки/спатиньки*), явно преобладают предметные деминутивы, что типично для естественного языка.

Поскольку, как справедливо отмечает И. М. Кобозева, «свойства знаков естественного языка обусловлены теми целями, для которых они используются» [Кобозева 2009: 32], становится очевидным, что один и тот же знак (слово) в разных лингвокультурах будет иметь разные свойства в силу отличия в целях его употребления, обусловленных ментальностью, традициями, культурой. Поэтому когнитивная специфика словообразования может быть использована в целях решения сверхзадачи семантики и лексикографии – реконструкции наивной модели мира [Апресян 1995: 6]. Когнитивное описание словообразования и обращение к его когнитивным ресурсам позволит выявить наиболее актуальные конкретизации отношений между такими категориями, как предмет, признак и действие [ср. Улуханов 2009], лежащими в основе любой языковой системы.

Литература:

- АЛЕФИРЕНКО, Н. Ф. – КОРИНА Н. Б.: *Проблемы когнитивной лингвистики*. Нитра, ФФ УКФ 2011.
- АПРЕСЯН Ю. Д.: *Избранные труды: В 2-х т.* Москва, 1995.
- ВЕНДИНА Т. И.: *Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм)*. Москва, Наука 1998.
- КИСЕЛЁВА Н. Б.: *Ареальные взаимосвязи славянских языков центральной зоны*. Banská Bystrica, FiF UMB 2002.
- КИСЕЛЁВА Н. Б.: *Когнитивные аспекты словацко-русского языкового параллелизма*. In: Dialog kultur V. Sborník materiáľů z mezinárodní vědecké konference, která se konala ve dnech 20.–21. 1. 2009 na katedře slavistiky Pedagogické fakulty Univerzity Hradec Králové. O. Richterek, M. Půža (eds.). Ústí na Orlici: Ofitis, 2009. S. 112–125.
- КОБОЗЕВА И. М.: *Лингвистическая семантика: Учебник*. Изд. 4-е. Москва, Книжный дом «ЛИБРОКОМ» 2009.
- КОРИНА Н. Б.: *Когнитивные аспекты словацко-русского языкового параллелизма*. In: Dialog kultur VI. Sborník příspěvků z mezinárodní vědecké konference konané ve dnech 18.–19. ledna 2011 v Hradci Králové. M. Půža, J. Konečný (eds.). Brno: Tribun EU 2011. S. 1–13.
- КУБРЯКОВА Е. С.: *Типы языковых значений: семантика производного слова*. Изд. 2-е, доп. Москва, ЛКИ 2008.
- МАЛЬШЕВ В. Н.: *Пространство мысли и истоки национального характера*. СПб., Алетейя 2009.

- Рус. сем. сл. – *Русский семантический словарь*. Под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Т. I, II. Москва, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН 2000.
- УЛУХАНОВ И. С.: *Мотивация в словообразовательной системе русского языка*. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва, Книжный дом «Либроком» 2009.
- УОРФ Б.: *Лингвистика и логика* In: Новое в лингвистике. Москва, 1960, вып. 1.
- УОРФ Б.: *Язык, мышление и реальность*. Москва, Наука 1957.
- ЦЫХУН Г. А.: *Арэальная тыпалогія славянскіх моў*. Мінск, Навука 1993.
- BUDOVIČOVÁ V.: *O kultúre spisovnej slovenčiny*. In: Naše řeč, roč. 48 (1965), č. 1, s. 41–48.
- HUMBOLDT W. von: *Briefe an Friedrich Wolf*. Ed. Ph. Matson. Berlin – New York, de Gruyter 1990.
- KAČALA J.: *Spisovná slovenčina v 20. storočí*. Bratislava, Veda 2010.
- OLCHOWA G.: *Autostereotypy w przysłowiach polskich i słowackich*. In: Parémie národů slovanských IV: sborník příspěvků z mezinárodní konference konané v Ostravě ve dnech 20.–21. listopadu 2008 /ed. Vítězslav Vilímek. Ostrava: FF OU, 2008. S. 157–164.
- WHORF B. L.: *Language, Thought and Reality*. New York, The Technology Press 1956.